ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ)/LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (INDICATING A SPECIFIC LANGUAGE OR GROUP OF LANGUAGES)

DOI: https://doi.org/10.60797/RULB.2024.55.4

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПЕРЕКРЕСТНОГО ДОПРОСА В РАССКАЗЕ АЛАНА АЛЕКСАНДРА МИЛНА «БАРРИСТЕР»

Научная статья

Власичева В.В.[1, *]
[1] ORCID : 0000-0001-8045-3170;
[1] Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, Казань, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (intloffice[at]mail.ru)

Аннотация

Рассказ Алана Александра Милна «Барристер» анализируется в качестве примера гибридного художественно-судебного дискурса, позволяющего репрезентировать национально-обусловленную специфику судопроизводства Великобритании начала XX века; в частности, само понятие "барристер" является лакунарным концептом в языковой картине мира русского читателя.

В ходе исследования описаны основные дискурсивные компоненты рассказа: идентифицированы речевые тактики и стратегии главных героев, реализуемые на разных языковых уровнях; выявлены вспомогательные семантические доминанты и кластеры юридической терминологии.

Полиморфность художественного дискурса позволяет автору представить перекрестный допрос в виде противостояния адвоката и свидетеля обвинения, основанного на контрасте речевого поведения и эмоций героев.

Ключевые слова: судебный дискурс, адвокатский дискурс, речевая стратегия, речевая тактика, Алан А. Милн, барристер.

REPRESENTATION OF CROSS-EXAMINATION IN ALAN ALEXANDER MILNE'S STORY "THE BARRISTER"

Research article

Vlasicheva V.V.[1, *]
[1] ORCID : 0000-0001-8045-3170;
[1] Russian State University of Justice (Kazan branch), Kazan, Russian Federation

* Corresponding author (intloffice[at]mail.ru)

Abstract

Alan Alexander Milne's story "The Barrister" is analysed as an example of a hybrid fiction and court discourse, which allows to represent the nationally conditioned specificity of British court proceedings of the early XX century; in particular, the very notion of "barrister" is a lacunar concept in the linguistic picture of the world of the Russian reader.

The study describes the main discursive components of the story: speech tactics and strategies of the main characters implemented at different linguistic levels are identified; auxiliary semantic dominants and clusters of legal terminology are identified.

The polymorphous nature of fiction discourse allows the author to present cross-examination in the form of a confrontation between a lawyer and a prosecution witness, based on the contrast of the characters' speech behaviour and emotions.

Keywords: court discourse, lawyer discourse, speech strategy, speech tactics, Alan A. Milne, barrister.

Введение

Одним из направлений юридической лингвистики, комплексно описывающей «юридический дискурс в социальном, культурном и психологическом контексте, в его связи с экстралингвистической сферой его функционирования и с жизнью в целом» [1, С. 6], является изучение художественных текстов, отражающих нормы права и морали определенного исторического периода через авторскую интерпретацию событийного ряда. Художественные тексты, описывающие вопросы юриспруденции – одной из важнейших сфер жизнедеятельности человека – оказывают влияние на формирование культурной идентичности и выражают специфику национального менталитета.

В рамках данного исследования анализируется художественная репрезентация перекрестного допроса как имманентной составляющей судебного процесса Великобритании. Целью исследования становится проверка выдвинутой гипотезы о том, что адвокат как ведущий участник перекрестного допроса использует широкий спектр речевых тактик, складывающихся в речевую стратегию, направленную на защиту клиента и снятие с него обвинений. Выбор общей стратегии и реализующих ее речевых тактик зависит от ряда экстралингвистических факторов (вид преступления, коммуникативно-личностные особенности адвоката и обвиняемого, национальная специфика судопроизводства и т.п.). В качестве материала исследования используется рассказ «Барристер» британского писателя начала XX века Алана Александра Милна, вошедший в сборник «Happy Days», опубликованный в 1915 г.

Алан Александр Милн (1882 - 1956) известен благодаря циклу сказок о медвежонке Винни-Пухе. В то же время он является автором 35 пьес, нескольких романов и рассказов, иллюстрирующих жизнь Великобритании в первой половине XX столетия. Актуальность работы определяется недостаточным количеством исследований литературного

творчества А.А. Милна в области драматургии и новеллистики. В частности, анализируемый рассказ «Барристер» остается практически неизвестным для российского читателя, так как первый перевод на русский язык, выполненный В. Вебером, появился только в 2012 г.

Наряду с этим, изучение особенностей английского судопроизводства, в том числе отраженных в художественном дискурсе, имеет практическую значимость не только для лингвистов, но и для правоведов и практикующих юристов, так как выявляет лингвокультурные сходства и расхождения в правовых системах России и Великобритании и вносит вклад в развитие правового взаимодействия.

Методы и принципы исследования

Теоретико-методологической базой исследования стали работы, посвященные функционированию правовой концептосферы в художественных произведениях российских и зарубежных писателей (работы В.И. Карасик 2000, А.М. Пыж 2005, Л.Е. Поповой 2005, М.В. Головушкиной 2021, Е.В. Дзюбы 2021 и др.), теория речевых актов Дж. Серля, а также труды отечественных лингвистов, посвященных особенностям судебного и адвокатского дискурса (Т.В. Дубровская 2010, Е.Клюев 2012, А.А. Солдатова 2013 и др.). Анализ художественного текста выполнен в рамках лингвокультурологического подхода с применением метода сплошной выборки, контекстуального, элементов этимологического и композиционного анализа.

Понятие «дискурс» не имеет единой трактовки в современной лингвистике, так как дискурс «представляет собой явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в «сухом остатке» общения, с другой стороны» [2, С. 21]. В современном языкознании дискурс описывается в лингвокультурологическом, социолингвистическом, семантико-прагматическом, лингвофилософском аспектах.

В антропоцентрической парадигме подчеркивается связь дискурса с речевой коммуникацией как типа высказывания, характерного для отдельной группы людей либо используемого в ряде типовых ситуаций. В данной работе мы отталкиваемся от понятия, предложенного Т. ван Дейком, который считает дискурс комплексным коммуникативным действием, позволяющим сделать выводы о социальных ролях и взаимодействии коммуникантов [3, С. 12]. Для этого необходимо учитывать не только собственно высказывания, но и семиотические знаки – невербальные средства, условия коммуникации, а также ментальные установки, культурно-обусловленные убеждения и т.п. [3, С. 29].

В.И. Карасик выделяет личностный и статусно-ориентированный дискурс. Последний характеризуется институциональностью, закрепленной в клише и нормах поведения, и может быть условно разделен на подвиды в зависимости от статусно-ролевых характеристик участников коммуникативной ситуации [4, С. 28]. Юридический дискурс является примером жанровой дифференциации институционального дискурса и представляет собой «результат когнитивной деятельности человека в сфере права, вербальный итог упорядоченности правовой информации и ее адекватной интерпретации» [5, С. 68]. Стратификация юридического дискурса, с точки зрения М.В. Батюшкиной, основана на исторически сложившемся разделении власти на три ветви: выделяются законодательный, исполнительный (административный), судебный субдискурсы [6, С. 20].

Судебный (суб)дискурс трактуется Т.В. Дубровской как «вербально-знаковое выражение процесса коммуникации в ходе судебного процесса, которое рассматривается в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте с учетом характеристик и намерений коммуникантов» [7, С. 129]. Реализация судебного дискурса в коммуникативных ситуациях судопроизводства предполагает, что профессиональные участники дискурса владеют фоновой информацией о процедурной составляющей судебных заседаний. Судебный дискурс использует язык права, который отличается точностью, ритуализованностью, терминологичностью, клишированностью и обусловлен законодательством [8, С. 19-22].

В свою очередь, судебный дискурс включает в себя адвокатский. По мнению А.А. Солдатовой, это – «один из древнейших видов ораторского искусства, и каждая страна и эпоха вносят в него свои изменения согласно потребностям социума» [9, С. 7]. Ярким отличием адвокатского дискурса от других разновидностей судебного дискурса является результат-ориентированность.

Адвокатский дискурс биполярен: с одной стороны, он основан на логике и стратегии, опирается на ценности правосудия и прецедентные тексты; с другой стороны, характеризуется эмоциональностью и состязательностью. Таким образом, речевое поведение адвокатов как «совокупность конвенциональных (осуществляемых в соответствии с правилами) и неконвенциональных (осуществляемых по собственному произволу) речевых поступков» [10, С. 14] направлено на реализацию базовой стратегии – оправдания подзащитного – с помощью речевых тактик, основанных на апелляции к разуму и эмоциям. Речевая стратегия и речевая тактика соотносятся друг с другом как род и вид; стратегия направлена на реализацию цели, а тактика – способ реализации через речевые акты.

Помимо базовой, адвокаты используют вспомогательные стратегии, детерминированные спецификой дела и правилами судебного этикета, релевантными для юридических сообществ определенного социума. В адвокатской риторике представлены репрезентативы для констатации фактов; декларативы как акты, сообщающие о совершении действия; директивы для побуждения к действию; экспрессивы для выражения чувств и эмоций.

Материалом нашего исследования выступает художественное произведение, чей текст является примером гибридного судебно-художественного дискурса. Связь художественного текста с судебным в рассказе А.А. Милна «Барристер» осуществляется благодаря полиморфности художественного дискурса. Элементы судебного дискурса вплетены в художественное повествование и направлены на получение эмоциональной реакции читателя, которому предоставлена возможность узнать об особенностях проведения судебного процесса в Великобритании начала XX века.

Основные результаты

Рассказ «Барристер» посвящен описанию судебного процесса над 19-летней воровкой Авророй Дилэйн. Перечисление украденных товаров остается единственным, что известно читателю о подсудимой, чей образ не фигурирует в самом произведении.

Композиционно рассказ делится на три части: краткое вступление, в котором описывается суть преступления; перекрестный допрос свидетеля обвинения и заключение, в котором автор вновь перечисляет список украденных вещей, отправленных Руперту в качестве свадебных подарков неизвестным другом. Объем вступления и заключения совпадает по количеству строк.

Местом действия рассказа является зал судебных заседаний в центре Манчестера. Доминанта повествования выстроена вокруг небольшого эпизода судебного процесса – перекрестного допроса, проводимого барристером Рупертом Карлтоном, который опрашивает свидетеля кражи, администратора магазина Альберта Джобсона.

Допрос свидетелей как неотъемлемый компонент судебного процесса в странах с общей (англо-саксонской) системой права представляет особую важность, как для стороны обвинения, так и для стороны защиты, поскольку дает прокурорам и адвокатам возможность проводить речевые манипуляции, обладающие значительным потенциалом влияния на итог судебного заседания – решение суда присяжных. Допрос свидетеля противоположной стороны называется перекрестным допросом (cross-examination).

Термин «барристер» (англ. *barrister)* возникает в английском языке в середине XVI века для обозначения юристов, которым предоставляется возможность ведения судебной практики после прохождения определенного периода ученичества, вступления в профессиональную ассоциацию и сдачи квалификационного экзамена. Этот процесс называется в английском языке «*to be called to the bar*», что буквально означает «быть призванным в коллегию адвокатов». Слово «*bar*» имело также другое значение – «стойка». Под стойкой подразумевалась деревянная ширма, отделяющая судью от места, где сидели подсудимые и где должен был выступать барристер, защищающий своих клиентов [11]. Таким образом, барристер – это название исторически сложившегося класса юристов в Великобритании, который сохраняет особые полномочия ведения дел в суде до нашего времени.

Главный герой рассказа «Барристер» А.А. Милна является молодым неизвестным адвокатом, не достигшим тридцатилетия. О его характере и степени амбициозности можно судить по следующему описанию: «*Yet, though briefs would not come, he had been very far from idle. He stood for Parliament in both the Conservative and Liberal interests (not to mention his own), he had written a half a dozen unproduced plays, and he was engaged to be married*» [12].

Руперт Карлтон воспринимает защиту Авроры Дилэйн как возможность профессионального роста. При этом только читателю известно, что, случайно зайдя на процесс в качестве зрителя, он не имел случая переговорить с подсудимой и ознакомиться с материалами дела. Авроре забыли назначить адвоката и Руперт, осознав этот факт раньше судьи, притворяется представителем защиты.

Закономерно, что стратегия речевого поведения любого адвоката базируется на коммуникативной задаче убедить суд присяжных в невиновности клиента. В описываемом рассказе введенный в процесс спонтанно барристер вынужден действовать интуитивно. Линия защиты выстраивается импровизационно, в зависимости от ответов свидетеля.

Схематически сцену допроса можно представить следующим образом: два коммуниканта – барристер и свидетель обвинения – являются одновременно адресатом и адресантом коммуникативного акта. При этом барристер имеет возможность активного участия в коммуникативном процессе, в то время как свидетель, отвечая на заданные вопросы, является пассивным реципиентом.

Исходя из списка украденного, в который входят недорогие и разнообразные предметы в большом количестве, барристер понимает, что самым эффективным способом защиты будет «нападение» на свидетеля обвинения во время перекрестного допроса, и задает кажущиеся читателю абсурдными вопросы, не имеющие отношения к самому процессу. Тем не менее стратегия деконструкции образа свидетеля в качестве надежного источника информации оказывается настолько успешной, что дело не доходит до завершающей стадии – голосования присяжных, так как прокурор отзывает иск, и судья тут же отпускает подсудимую.

Рассмотрим дискурсивные компоненты рассказа:

1. Типология дискурса: гибридный художественно-судебный (адвокатский) дискурс. В свою очередь, судебный дискурс является подвидом юридического дискурса.

2. Базовый конструкт – институциональное общение в рамках рассмотрения уголовного процесса на судебном заседании.

3. Хронотоп – Манчестер (Великобритания), зал суда. Начало XX века.

4. Участники: судья, барристер, прокурор, присяжные, свидетель обвинения, подсудимая; (имплицитно) читатель. При этом только барристер и свидетель являются активными коммуникантами, остальные играют роль наблюдающих.

5. Основная стратегия барристера: защита подсудимой.

6. Выявленные вспомогательные стратегии:

- *стратегия убеждения присяжных*

речевые тактики:

а) экспликация причинно-следственных и временных связей:

“Will you cast your mind back to the night of 24 April, 1897?” «Не могли бы Вы вспомнить, что произошло вечером 24 апреля 1897?» [12]

“Will you tell the gentleman of the jury… <u>why</u> she has left you?” «Расскажите господам присяжным, почему она Вас покинула?» [12]

б) запрос и введение новой информации: “*I suggest that your wife left you?” «Я предполагаю, что Ваша жена ушла от Вас?» [12]*

в) наводящие вопросы:

“What you mean is that you saw her take them from the different counters and put them in her bag?...With the intention of paying for them in the ordinary way?” *«Вы имеете ввиду, что видели, как она взяла вещи с разных прилавков и положила их в свою сумку? … С намерением их оплатить?» [12]*

г) апелляция к ключевым ценностям британского общества:

“… you say you never belonged to the Hampstead Parliament? Is that your idea of patriotism?” «…и Вы говорите, что никогда не были членом Парламента Хампстеда? И это Ваше представление о патриотизме?» [12]

Используя выше обозначенные тактики, барристер создает у присяжных выгодную ему картину происшедшего через апелляцию к объективному положению вещей.

- *стратегия деконструкции обвинения* является доминирующей среди всех вспомогательных стратегий у Руперта. Используются:

а) тактика дискредитации свидетеля обвинения:

“May I take it, then, that you prefer to spend your evenings in the public house?” «Тогда я могу утверждать, что Вы предпочитаете проводить свои вечера в публичном доме?» [12]

б) тактика морального давления:

“I put it to you… that this is a pure invention on your part?” «Я полагаю… что Вы это выдумали?» [12]

Интонационная окраска высказываний барристера меняется по ходу действия. Когда Руперт приступает к допросу, он ведет себя вежливо (*suavely* – «учтиво» – семантическая доминанта повествования, которую автор использует в описании манеры говорения Руперта в начале допроса). В это время барристер пытается создать положительный образ подсудимой. Когда же это Руперту не удается, и он переходит к дискредитации образа свидетеля, тональность общения меняется. Семантическая доминанта *suavely* заменяется лексемой *sternly*, а вопросы по существу дела трансформируются в вопросы о личной жизни свидетеля.

- *стратегия самопрезентации* представлена в рассказе имплицитно через тактику создания образа квалифицированного юриста. Этот эффект достигается с помощью семантической доминанты *pence-nez*. Руперт подражает поведению своих коллег: так, у него (молодого человека без проблем со зрением) сразу два пенсне, которыми он время от времени пользуется, чтобы «свериться» с важной информацией в своих бумагах (читателю при этом понятно, что никаких материалов дела у Руперта нет).

Алан Милн противопоставляет барристера и свидетеля обвинения, создавая абсолютно разные речевые портреты героев. Отвечая на вопросы, свидетель в рассказе использует тактику взаимодействия с судом. Речевое поведение свидетеля характеризуется скупостью и краткостью; речевые акты-репрезентативы чаще всего состоят из одного-трех слов. Несмотря на явное нападение со стороны адвоката, свидетель сохраняет спокойствие. Создается ощущение, что формальная диалогичность допроса как коммуникативного акта трансформируется в монолог адвоката, изредка подкрепляемый репликами свидетеля.

В отличие от свидетеля, барристер в ходе допроса задает длинные вопросы и периодически меняет коммуникативного адресата, обращаясь к присяжным, а не к свидетелю. Начав с апелляции к разуму через подтверждение факта кражи, он оказывает суггестивное воздействие на присяжных через моральное давление на свидетеля и выстраивание причинно-следственных связей на основании вымышленных им фактов о личной жизни свидетеля: его браке, времяпрепровождении и т.п.

Создание ореола объективности вопросов барристера поддерживается на семантическом и просодическом уровнях:

- слова свидетеля конкретизируются, подтверждаются с утвердительной интонацией, когда это выгодно; и повторяются с вопросительной интонацией, когда показания должны подвергнуться сомнению: *indeed! exactly! Indeed?* В описании ментально-когнитивного пространства зала суда автор проводит параллель между театром и судебным процессом, поскольку главный герой ведет себя как актер на сцене, играющий для публики. Перед присутствующими открывается истина о тайном прошлом свидетеля обвинения. С помощью механизма фокусирования, основанного на семантической доминанте *«intoxication»*, используемой в целом ряде провокационных вопросов барристера, внимание с проступка подсудимой смещается на личность свидетеля, якобы изгнанного из местного парламента в состоянии алкогольного опьянения. Достигается цель – свидетель предстает в образе непатриотичного одинокого и развратного пьяницы.

На синтаксическом уровне манипуляция осуществляется через варьирование речевых актов, в основном, репрезентативов и декларативов, подчеркивающих напор адвоката и его стремление к формированию выгодной ему картины происшедшего.

Противостояние барристера и свидетеля реализуется с помощью авторских ремарок, передающих внутреннее состояние Руперта: его внешняя конвенционально вежливая манера общения дополнена картиной кипящих внутри эмоций, которые успешно маскируются:

“With a superhuman effort Rupert hid his disappointment. Unexpected as his answer was, he preserved his impassivity”.

“A lesser man may have been embarrassed, but Rupert’s iron nerve did not fail him” [12].

Руперт достигает успеха в реализации стратегии защиты, так как никто из присутствующих, включая профессионалов, не задумывается о целесообразности, достоверности и отнесенности «полученной» информации о прошлом свидетеля к делу о магазинной краже. Автор в рассказе сообщает читателям, что этот допрос позже вошел во все учебники для юристов как образцовый *(“It was a cross-examination which is now given as a model in every legal textbook” [12]).*

7. функции дискурса в рассказе: интерпретационная, кумулятивная, аргументирующая, презентационная.

8. взаимосвязь художественного и адвокатского дискурса: Трансфер юридического знания в нарративное пространство рассказа осуществляется благодаря юридическим терминам. С помощью метода сплошной выборки был составлен список из 23 терминологических единиц, употребляемых в рассказе:

1) лексика, номинирующая участников судебного процесса (*barrister, jury, counsel of the prosecution* и т.д.),

2) лексика, описывающая ход ведения судебного процесса (*evidence, charges, cross-examination* и т.д.) и

3) лексика, относящаяся к преступным действиям – в данном случае большинство терминов связано с семантическим полем «кража» (*shoplifting, theft, steal* и т.д.).

Вопросы, задаваемые адвокатом, эмоции адвоката и свидетеля позволяют репрезентировать представления о морали британского общества начала XX века: осуждение скандалов и непристойного поведения. Подавляемые Рупертом эмоции сигнализируют о конвенциональной вежливости барристеров и демонстрируют сдержанность британцев как одну из ключевых ценностей британского правосудия. В рассказе также четко прослеживается фактор, определяющий востребованность барристеров в профессиональной среде – результат процесса. Успех положительно отразился на дальнейшей карьере Руперта, который стал популярным юристом, издал все написанные книги, женился и стал депутатом.

Помимо юридических терминов, знания о судопроизводстве в Великобритании передаются автором с помощью смежных семантических номинативов. Так, например, приступая к защите, Руперт надевает парик. Ношение парика с целью формализации акта правосудия является одной из традиций британского судебного процесса, известной с 1785 г.

Заключение

Рассказ Алана Александра Милна «Барристер» представляет пример гибридного художественно-судебного (адвокатского) англоязычного дискурса, в котором проявляется национально-детерминированная специфика судопроизводства Великобритании. Среди традиций британской судебной системы отметим открытость и ритуальность судебного процесса, в том числе в рамках дресс-кода его участников, использование суда присяжных как механизма объективации правосудия, и, наконец, само существование профессии барристера как типа юриста, выступающего в суде.

Проведенный анализ моделей речевого поведения главных героев рассказа – барристера и свидетеля обвинения – позволил репрезентировать мораль британского общества начала XX века, выраженную в благопристойности поведения и сдержанности эмоций на публике.

Взаимосвязь художественного и судебно-адвокатского дискурса осуществляется через использование автором юридических терминов, разделенных нами на три тематические категории, номинирующие участников судебного процесса, ход его ведения и преступные действия. Кроме того, читатель получает знания о судебной системе Великобритании благодаря авторскому приему введения семантических доминант *(pence-nez, wig).*

Анализ речевых актов барристера в ходе перекрестного допроса, являющегося основным композиционным элементом рассказа, позволил выявить базовую речевую стратегию главного героя – оправдание подзащитной – и ряд вспомогательных стратегий, среди которых особо выделяется стратегия деконструкции обвинения, основанная на тактике морального давления на свидетеля и тактике дискредитации образа свидетеля в глазах присяжных.

Обозначенные стратегии реализуются на лексико-семантическом, синтаксическом и просодическом уровнях. Суггестивное воздействие на присяжных осуществляется с помощью механизма фокусирования (смещения фокуса внимания с подсудимой на свидетеля) через речевые акты-репрезентативы и декларативы; адвокат апеллирует как к эмоциям, так и к разуму.

Гибридизация двух дискурсов направлена на функциональное и содержательное расширение ограниченных дискурсивных пространств: читатели имеют возможность получить знания о специфике судебного процесса; образ адвоката представлен в контексте его связи с повседневной жизнью и внутренним миром.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Пыж А.М. Функционально-прагматические и дискурсивные аспекты использования английской юридической терминологии: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / А.М. Пыж — Самара: 2005. — 24 с.

2. Карасик В.И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики. / В.И. Карасик // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2016. — 1(21). — С. 17-34. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diskursologiya-kak-napravlenie-kommunikativnoy-lingvistiki (дата обращения: 29.04.24).

3. van Dijk T.A. Discourse and knowledge: A Sociocognitive Approach. / T.A. van Dijk — Cambridge: Cambridge University Press, 2014. — 400 p. — URL: https://discourses.org/wp-content/uploads/2022/06/Teun-A.-van-Dijk-2014-Discourse-And-Knowledge.-A-Sociocognitive-Approach.pdf (accessed: 29.05.2024)

4. Карасик В.И. Структура институционального дискурса. / В.И. Карасик. // Проблемы речевой коммуникации; под ред. Гольдина В.Е., Кормилицыной М.А., Дементьева В.В., Седова К.Ф., Викторовой Е.Ю. — Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 2000. — С. 25-33.

5. Мазнева Ю.А. О юридическом дискурсе и его функциях. / Ю.А. Мазнева // Философия права. — 2015. — 5(72). — С. 68-72. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-yuridicheskom-diskurse-i-ego-funktsiyah (дата обращения: 02.04.24).

6. Батюшкина М.В. Дискурсивные доминанты законотворчества / М.В. Батюшкина. — Москва: РОО ГЛЭДИС, 2022. — 160 с.

7. Дубровская Т.В. Судья: речевое поведение в судебном дискурсе. / Т.В. Дубровская // Дискурс-Пи. — 2016. — 1 (13). — С. 129-132. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudya-rechevoe-povedenie-v-sudebnom-diskurse (дата обращения: 01.04.24).

8. Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). / Т.В. Дубровская — Москва: Изд-во "Академия МНЭПУ", 2010. — 351 с.

9. Солдатова А.А. Речевые стратегии и тактики адвокатского дискурса в уголовных процессах : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : специальность 10.02.19 / Солдатова А.А. ; [Твер. гос. ун-т]. — Тверь, 2013. — 18 с.

10. Клюев Р.В. Речевая коммуникация. Успешность речевого взаимодействия / Р.В. Клюев. — Москва: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. — 320 с.

11. Online Etymology Dictionary [Electronic source] // Barrister. — 2001. — URL: https://www.etymonline.com/search?q=barrister. (accessed: 26.02.24)

12. Milne A.A. Barrister / A.A. Milne. — Boston: Harvard University, 1947. — 3 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Pizh A.M. Funktsionalno-pragmaticheskie i diskursivnie aspekti ispolzovaniya angliiskoi yuridicheskoi terminologii: avtoreferat dissertazii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskih nauk [Functional, Pragmatic and Discourse Aspects of the Use of Legal Terminology: abstract of Candidate of Science in Linguistics thesis]: 10.02.04 / A.M. Pizh — Samara: 2005. — 24 p. [in Russian]

2. Karasik V.I. Diskursologiya kak napravlenie kommunikativnoj lingvistiki [The Discourse Studies as the Direction of the Communicative Linguistics]. / V.I. Karasik // Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics. — 2016. — 1(21). — P. 17-34. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diskursologiya-kak-napravlenie-kommunikativnoy-lingvistiki (accessed: 29.04.24). [in Russian]

3. van Dijk T.A. Discourse and knowledge: A Sociocognitive Approach. / T.A. van Dijk — Cambridge: Cambridge University Press, 2014. — 400 p. — URL: https://discourses.org/wp-content/uploads/2022/06/Teun-A.-van-Dijk-2014-Discourse-And-Knowledge.-A-Sociocognitive-Approach.pdf (accessed: 29.05.2024)

4. Karasik V.I. Struktura institucional'nogo diskursa [Structure of Institutional Discourse]. / V.I. Karasik. // Issues in Verbal Communication; edited by Gol'dina V.E., Kormilicy'noj M.A., Dement'eva V.V., Sedova K.F., Viktorovoj E.Yu. — Saratov: Saratovskij nacional'ny'j issledovatel'skij gosudarstvenny'j universitet imeni N.G. Cherny'shevskogo, 2000. — P. 25-33. [in Russian]

5. Mazneva Yu.A. O yuridicheskom diskurse i ego funkciyax [About Juridicial Discourse and Its Functions]. / Yu.A. Mazneva // Philosophy of Law. — 2015. — 5(72). — P. 68-72. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-yuridicheskom-diskurse-i-ego-funktsiyah (accessed: 02.04.24). [in Russian]

6. Batyushkina M.V. Diskursivny'e dominanty' zakonotvorchestva [Discourse Dominants of Lawmaking] / M.V. Batyushkina. — Moscow: ROO GLE'DIS, 2022. — 160 p. [in Russian]

7. Dubrovskaya T.V. Sud'ya: rechevoe povedenie v sudebnom diskurse [Judge: Verbal Behaviour in Judicial Discourse]. / T.V. Dubrovskaya // Discourse-P. — 2016. — 1 (13). — P. 129-132. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudya-rechevoe-povedenie-v-sudebnom-diskurse (accessed: 01.04.24). [in Russian]

8. Dubrovskaja T.V. Sudebnyj diskurs: rechevoe povedenie sud'i (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov). [Judicial Discourse: Verbal Behaviour of Judge (in Russian and English languages)] / T.V. Dubrovskaja — Moskva: "Akademija MNEPU" Publishing, 2010. — 351 p. [in Russian]

9. Soldatova A.A. Rechevie strategii i taktiki advokatskogo diskursa v ugolovnykh protsessah : avtpreferat dissertazii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filologicheskih nauk [Verbal Strategies and Tactics of Defense Discourse in Criminal Cases: abstract of Candidate of Science in Linguistics thesis]: 10.02.19 / Soldatova A.A. ; [Tver State University]. — Tver, 2013. — 18 p.

10. Klyuev R.V. Rechevaya kommunikaciya. Uspeshnost' rechevogo vzaimodejstviya [Verbal Communication. Success of Verbal Interaction] / R.V. Klyuev. — Moscow: RIPOL KLASSIK, 2002. — 320 p. [in Russian]

11. Online Etymology Dictionary [Electronic source] // Barrister. — 2001. — URL: https://www.etymonline.com/search?q=barrister. (accessed: 26.02.24)

12. Milne A.A. Barrister / A.A. Milne. — Boston: Harvard University, 1947. — 3 p.